

В. К. Ашуров

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье с позиций общей теории права анализируется феномен применения уголовно-процессуальных норм, формулируется соответствующая дефиниция, исследуется субъектный состав и стадийность правоприменительного процесса в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные нормы, правоприменение, стадии правоприменения, властные субъекты.

V. K. Ashurov

APPLICATION OF STANDARDS OF LAW OF CRIMINAL PROCEDURE: THEORETICAL ASPECTS

The author analyzes the phenomenon of application of standards of criminal procedure in terms of the general theory of law. The article represents the corresponding definition. The subject matter and stages of law-enforcement procedure in criminal proceedings are studied.

Keywords: standards of criminal procedure, law enforcement, law-enforcement stages, subjects of power.

Уголовное судопроизводство является разновидностью правоприменительного процесса: после поступления сообщения о преступлении следователь, дознаватель, орган дознания, прокурор и суд в пределах предоставленных им уголовно-процессуальным законом полномочий принимают ряд решений, связанных с реализацией норм уголовно-процессуального и уголовного права. Систематическое толкование положений чч. 1, 2 ст. 6 и чч. 1, 4 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) привело В. Л. Кудрявцева к справедливому выводу о том, что «полномочиями для достижения назначения уголовного судопроизводства обладают только компетентные государственные органы, их должностные лица, а также суд» [1].

Сходное утверждение находим и у М. Т. Аширбековой: «Правоприменение, осуществляемое через юридические процедуры, не может не иметь публично-правового характера, поскольку является властно-организующей деятельностью субъектов, ведущих процесс» [2, с. 7].

В современных условиях некоторые авторы пытаются подвергнуть ревизии данные постулаты [3]. Так, Т. В. Шушанова утверждает, что «защитник как участник уголовного судопроизводства наделен сегодня полномочиями по собиранию доказательств, необходимых для оказания

юридической помощи, в порядке, установленном ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Те действия, которые вправе осуществлять защитник по сбору доказательств... представляют собой разновидности урегулированной УПК РФ правоприменительной деятельности, обеспеченной к тому же возложением на адресатов обязанности представить защитнику запрашиваемые документы или их копии» [4, с. 55].

С подобным утверждением трудно согласиться по следующим соображениям. Во-первых, идентификация деятельности защитника по сбору доказательственной информации должна проводиться с соблюдением общих установлений теории права. По всем внешним признакам данная деятельность в большей степени соотносится с такой формой реализации права, как использование права, которое, как известно, осуществляется в трех формах: 1) беспрепятственное осуществление действий в соответствии с субъективными правами, непосредственно входящими в правовой статус гражданина; 2) совершение юридически значимых действий на основе правоспособности субъектами частного права, а также — в соответствии с компетенцией — субъектами публичного права; 3) осуществление участником правоотношения его возможностей: определенного (правовой нормой или договором) поведения; его требования соответствующих этому поведению действий

других лиц; в случае необходимости — обращения к правоохранительным органам государства с требованием защиты нарушаемого или восстановления нарушенного права [5].

Кроме того, если исходить из правил адвокатской этики и обязанностей адвоката (п. 1 ч. 1 ст. 7 федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), защитник должен принимать все предусмотренные законом меры для выполнения возложенной на него функции — «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми, не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» [6]. Данные обстоятельства указывают и на наличие в рассматриваемой деятельности защитника элементов такой формы реализации права, как его исполнение, которое обладает рядом черт: распространяется в основном на обязывающие нормы; предполагает активные действия субъекта; отличается известной императивностью; правоисполнительные действия находят определенное оформление [7, с. 330].

Во-вторых, вопрос об отнесении деятельности защитника по сбору доказательственной информации к правоприменению нельзя рассматривать изолированно от вопроса об участии в доказывании иных субъектов уголовно-процессуальных отношений. Весьма сомнительно говорить о том, что, предоставляя следователю документы, предметы, т. е. участвуя в доказывании, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, обвиняемый, подозреваемый также осуществляют правоприменительную деятельность.

И, наконец, в-третьих, в теории права общим местом стало понимание правоприменения как такого способа реализации права, который связан с властными действиями юрисдикционных органов и должностных лиц, выступающих от имени государства и выполняющих возложенные на них специальные функции и полномочия [5; 7, с. 331; 8, с. 14; 9, с. 393, 394]. С. С. Алексеев отмечает, что применение права имеет следующие признаки: 1) осуществляется органами или должностными лицами, наделенными функциями государственной власти; 2) имеет индивидуальный характер; 3) направлено на установление конкретных правовых последствий — субъективных прав,

обязанностей, ответственности; 4) реализуется в специально предусмотренных процессуальных формах; 5) завершается вынесением индивидуального юридического решения [10].

«Синтетический», комплексный характер правоприменения не исключает, а предполагает его публичный характер. Н. Н. Вопленко справедливо подчеркивает, что «даже аккумулируя в себе соблюдение, исполнение и использование, правоприменение сохраняет свою властную специфику, оставаясь организационно оформленной и ведущей за собой все остальные формы правореализации государственной деятельности» [9, с. 397].

Таким образом, доказательственную деятельность защитника весьма сомнительно относить к разновидности уголовно-процессуального правоприменения, как это пытается утверждать Т. В. Шушанова.

Особенностью правоприменения в уголовном судопроизводстве является определенная последовательность правоприменительных циклов: при производстве по уголовным делам применению норм уголовного права предшествует применение норм уголовно-процессуального права, правильная реализация которых выступает гарантией обоснованных и справедливых решений.

В досудебном производстве осуществляется преимущественно применение норм уголовно-процессуального права, регулирующего юридически значимую деятельность органов предварительного расследования, прокурора, суда. Применение норм уголовного права носит чаще всего «усеченный характер», когда должностные лица органов предварительного следствия и дознания как лидирующие субъекты досудебного производства квалифицируют деяние, фактически применяя диспозицию статьи Особенной части УК РФ к конкретному случаю. По сути, правоприменительная деятельность органов предварительного следствия и дознания выступает способом достижения назначения уголовного судопроизводства на этом его этапе.

В судебном производстве осуществляется применение не только норм уголовно-процессуального права, но и санкций статей Особенной части УК РФ, когда суд реализует функцию правосудия и выносит приговор по уголовному делу, обеспечивая выполнение назначения

уголовного судопроизводства.

Таким образом, и в судебном, и в досудебном производстве осуществляются правоприменительные циклы, направленные на реализацию назначения уголовного судопроизводства. Каждый цикл выстраивается по законам правоприменительного процесса, в котором теоретики права выделяют этапы (стадии).

Существует несколько подходов к определению стадий правоприменения, которые с различной степенью детализации структурируют рассматриваемую деятельность. Так, Н. Н. Вопленко выделяет три стадии: 1) установление фактических обстоятельств дела; 2) выбор правовой нормы и ее анализ; 3) принятие правоприменительного решения и его документальное оформление [11, с. 413].

Большее количество стадий в правоприменительном процессе выделяли Ю. Г. Ткаченко и Я. С. Михалык. По мнению Ю. Г. Ткаченко, их пять: 1) анализ фактических обстоятельств дела; 2) выбор нормы и удостоверение правильности ее текста; 3) уяснение смысла и содержания юридической нормы; 4) разъяснение юридической нормы компетентными органами, если после уяснения данной нормы ее смысл требует специального раскрытия; 5) принятие решения [12, с. 385].

В данной системе правоприменительных стадий пп. 2—4 связаны с выбором нормы и ее толкованием, что, как представляется, отражает чрезмерную детализацию правоприменительного процесса.

С точки зрения Я. С. Михалык, необходимо выделять шесть стадий: 1) анализ фактических обстоятельств рассматриваемого случая, к которому следует применить норму права; 2) выбор правовой нормы, подлежащей применению к рассматриваемому случаю; 3) уяснение смысла избранной нормы права (ее толкование); 4) издание акта применения избранной нормы права к рассматриваемому случаю; 5) совершение фактических действий по обеспечению реализации изданного акта применения; 6) проверка и контроль за фактическим исполнением акта применения [13, с. 24].

В приведенном выше подходе пп. 2, 3 можно было объединить в одну стадию: «выбор правовой нормы и ее толкование», а 5 и 6 стадии — в «контрольно-исполнительную», как это

предусмотрено в системе, предложенной Н. И. Матузовым и А. В. Малько: установление фактических обстоятельств дела (стадия доказывания); выбор нормы права и юридическая квалификация дела; проверка и толкование нормы права; вынесение правоприменительного акта (документально-оформительская стадия); контрольно-исполнительная стадия [7, с. 334, 335].

Полагаем, что четырехстадийное построение правоприменительного процесса представляется нам более верным, чем предложение Т. В. Шушановой рассматривать в данной деятельности только три стадии: «а) установления обстоятельств уголовного дела, вызывающих необходимость применения тех или иных уголовно-процессуальных норм (их групп); б) выбора основанных на правильном уяснении содержания применительно к установленным обстоятельствам уголовного дела уголовно-процессуальных норм (их групп) и в) принятия процессуальных решений с их процессуальным оформлением и доведением их содержания до конкретных адресатов-участников соответствующих уголовно-процессуальных отношений» [4, с. 74].

Такой подход к структурированию уголовно-процессуального правоприменения исключает важный этап, связанный с непосредственной реализацией принятых решений и контролем за ходом их реализации, что, как представляется, в корне неверно. Применение уголовно-процессуальных норм предполагает в конечном итоге воплощение в жизнь правовых предписаний, что находит свою материализацию в возникновении новых уголовно-процессуальных отношений либо в корректировке или прекращении уже имеющихся правоотношений. Исключение из правоприменительного процесса контрольно-исполнительной стадии превращает правоприменение в абсурд, ибо сводит на нет все усилия правоприменителей.

Не случайно последнее время вопросам исполнения решений (в особенности судебных) уделяется значительное внимание не только в работах ученых-процессуалистов, но и в деятельности законодателя. Так, в недавнем прошлом (2009 г.) Европейский суд по правам человека наложил мораторий на рассмотрение жалоб российских граждан на нарушение положений ст. 6 Европейской конвенции — на срок до приведения законодательства Российской

Федерации в соответствии с требованиями положений конвенции. Толчком к тому послужили многочисленные обращения россиян по поводу неисполнения судебных решений, в связи с чем Европейский суд по правам человека в постановлении № 2 по делу Бурдова констатировал существование структурных проблем российского законодательства, лежащих в основе нарушений конвенции [14]. Поэтому 26 сентября 2008 г. Пленум Верховного суда Российской Федерации принял постановление № 16 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации конституционного закона „О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов“ и федерального закона „О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов“» [15]. В результате во всех процессуальных кодексах появились статьи (в т. ч. и в УПК РФ — ст. 6.1 [16]), регулирующие разумные сроки судопроизводства.

Что касается выделяемых нами четырех стадий правоприменительного процесса в уголовном судопроизводстве — 1) установление фактических обстоятельств дела; 2) выбор правовой нормы и ее толкование; 3) вынесение правоприменительного акта; 4) контрольно-исполнительная стадия, — то в зависимости от субъекта правоприменения и стоящих перед ним задач эти стадии имеют свою специфику, находящую отражение в определенных процессуальных формах, установленных законодателем для данного вида отношений.

Применение права как процессуально оформленная деятельность — это многоступенчатый, длящийся во времени и развивающийся в соответствии с нормами юридической процедуры процесс организационно-властной реализации права [17, с. 21, 22], в котором отдельные стадии могут потребовать большей детализации деятельности, что отражает несколько условный характер выделения данных этапов. Тем не менее для теоретико-правового

анализа правоприменения структурирование правоприменительного процесса в уголовном судопроизводстве играет исключительно важную методологическую роль.

Исследовавшая данный феномен Т. В. Шушанова определяла применение уголовно-процессуальных норм как «законодательно урегулированную процессуальную деятельность судей, прокуроров, следователей и руководителей следственных органов, дознавателей и начальников органов и подразделений дознания, а также уполномоченных государством лиц негосударственных образований, являющихся участниками уголовного судопроизводства по реализации содержания таких норм через формирующиеся при этом уголовно-процессуальные отношения, осуществляемую в установленной законом уголовно-процессуальной форме с соблюдением законности, обоснованности, мотивированности и справедливости принимаемых процессуальных решений и направленную на обеспечение безопасности государства, защиту прав, свобод и законных интересов его сограждан, выполнение назначения уголовного судопроизводства» [4, с. 10].

Для уяснения сути правоприменительного процесса в уголовном судопроизводстве необходимо определить, деятельность каких субъектов можно признавать правоприменением. Ранее мы уже указывали на публичный характер этой являющейся особым видом государственной деятельности специально уполномоченных должностных лиц и органов. Перечень властных субъектов правоприменения, предложенный Т. В. Шушановой, представляется нам недостаточно полным. В уголовном судопроизводстве полномочиями по реализации норм уголовно-процессуального права в форме их применения наделены, наряду с указанными ею судьями, прокурорами, следователями, руководителями следственных органов, дознавателями, начальниками органов и подразделений дознания, также следующие властные субъекты:

— руководитель следственной группы (его соответствующие полномочия закреплены в чч. 3—5 ст. 163 УПК РФ);

— руководитель группы дознавателей (чч. 3—5 ст. 223.2 УПК РФ);

— следователь-криминалист (п. 40.1 ст. 5 УПК РФ);

— орган дознания (ст. 144—146, 148, 149 УПК РФ).

Кроме того, применение уголовно-процессуальных норм определяется Т. В. Шушановой как деятельность по реализации содержания таких норм через формирующиеся при этом уголовно-процессуальные отношения. Однако, как мы отмечали ранее, правоприменение не только вызывает к жизни и формирует новые уголовно-процессуальные отношения, оно нередко ведет к корректировке уже имеющихся отношений или к их прекращению. Данная специфика правоприменения также должна найти отражение в дефиниции указанной деятельности. Также, полагаем, уместным было бы отразить в формулируемом определении стадийность процесса применения норм уголовно-процессуального права, о которой мы писали выше.

Обращает на себя внимание введенная в текст дефиниции Т. В. Шушановой направленность деятельности «на обеспечение безопасности государства, защиту прав, свобод и законных интересов его сограждан, выполнение назначения уголовного судопроизводства». Не умаляя значимости выделенной целевой направленности уголовно-процессуального правоприменения, тем не менее отметим, что с учетом предложенной нами новой редакции ст. 6 УПК РФ «Назначение и задачи уголовного судопроизводства» в формулируемом определении вполне достаточно было бы указать на выполнение задач и назначение уголовного судопроизводства — без их детализации, как это наблюдается в дефиниции Т. В. Шушановой, что привело к «перегрузке» ее определения.

Итак, с учетом результатов проведенного анализа понятиеобразующих элементов дефиниции применения норм уголовно-процессуального права предлагаем следующее определение: *применение норм уголовно-процессуального права* — это разновидность властно-организующей деятельности специально уполномоченных государственных органов и должностных лиц (судей, прокуроров, следователей, руководителей следственных органов, руководителей следственной группы, следователей-криминалистов, дознавателей, органов дознания, начальников органов и подразделений дознания, руководителей группы дознавателей), которая урегулирована действующим законодательством, протекает в определенных процессуальных формах,

регулирующих процедуры установления фактических обстоятельств дела, выбора уголовно-процессуальной нормы и ее толкования, вынесения правоприменительного акта, его исполнения и контроля его реализации, влекущая формирование новых уголовно-процессуальных отношений, корректировку или прекращение уже имеющихся отношений в целях выполнения задач и назначения уголовного судопроизводства.

Примечания

1. Кудрявцев В. Л. Назначение уголовного судопроизводства: теоретико-прикладной аспект [Электронный ресурс] // Рос. судья. 2008. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Ашибрекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2009.
3. Возможно, поводом к этому служат разработки в области общей теории права. Например, О. В. Кораблина утверждает, что «применение права — это особый вид юридической деятельности, осуществляемой компетентными субъектами (государственными и негосударственными), наделенными властными полномочиями, в рамках которых осуществляется индивидуально-правовое регулирование» (Кораблина О. В. Усмотрение в правоприменительной деятельности (общетеоретический и нравственно-правовой аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 8).
4. Шушанова Т. В. Применение уголовно-процессуальных норм (концептуальные основы): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
5. Марченко М. Н. Теория государства и права. [Электронный ресурс]. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. URL: http://rewolet.ru/book_26_chapter_129_%C2%A7_2._Ispolzovanie_ispolnenie_i_sobljudenie_prava.html (дата обращения: 10.12.2011).
6. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2011) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
7. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М., 2004.
8. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права и социальное (государственное) управление: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1975.
- ⁹. Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права: моногр. Волгоград, 2009.
10. Теория государства и права: учебник / С. С. Алексеев [и др.]. 3-е изд. М.: Норма, 2009.

11. Вопленко Н. Н. Указ. соч. С. 413. Аналогичную точку зрения можно найти в следующих работах: Алексеев С. С. Право: азбука теории — философия. М., 1999. С. 119, 120; Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973. С. 51; Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: учебник. М., 1998. С. 309—313; Черданцев А. Ф. Теория государства и права: учебник. М., 2002. С. 249—256.
 12. Ткаченко Ю. Г. Применение социалистического права // Теория государства и права: учебник / под ред. А. М. Васильева. М., 1977.
 13. Михалёв Я. С. Применение социалистического права в период развернутого строительства коммунизма. М., 1963.
 14. Постановление Европейского суда по правам человека от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов против России (№ 2)» (Жалоба № 33509/04) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pytkam.net/web/index.php?go=Content&id=284> (дата обращения: 11.02.2011).
 15. Сайт Верховного суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/vscourt_detale.php?id=5491 (дата обращения: 11.02.2011).
 16. Введена в действие федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ (Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2145).
 17. Горшенев В. М., Дюрягин И. Я. Правоприменительная деятельность // Сов. гос-во и право. 1969. № 5. С. 21, 22.
- © Ашуров В. К., 2013